В. М. Хвостовъ.

Нравственное міровоззрѣніе Генрика Ибсена.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московск. Унив.
1909.

В. М. Хвостовъ.

Нравственное міровоззрѣніе Генрика Ибсена.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московск. Унив.
1909.

Нравственное міровоззрѣніе Генрика Ибсена.

(Публичная лекція).

I.

Въ небольшомъ стихотвореніи Ибсенъ излагаетъ свое представленіе о задачахъ художника. Онъ ставитъ себѣ вопросъ, что значитъ жить и творить, и даетъ на него слѣдующій отвѣтъ:

Что значитъ жить? Въ борьбѣ съ судьбою,
съ страстями темными сгорать.
Творить? То значитъ надъ собою
нелицемѣрный судъ держать (1, 483) [1].

Въ своихъ рѣчахъ и письмахъ Ибсенъ поясняетъ эти мысли подробнѣе. Такъ, въ рѣчи его норвежскимъ студентамъ, сказанной 10 сентября 1874 года, мы читаемъ: „Я поздно постигъ, что творчество поэта, въ сущности, заключается въ умѣніи *видѣть*—то-есть видѣть такъ, чтобы видѣнное сообщалось воспринимаю-

[1]) Приводимыя въ скобкахъ цифры означаютъ собою ссылки на томъ и страницу „Полнаго собранія сочиненій Генрика Ибсена. Переводъ съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ“, изд. Скирмунта, 1903—7 г.

щему именно такъ, какъ это видѣлъ самъ поэтъ. Но видѣть и воспринимать такимъ образомъ можно лишь пережитое“ (8, 93). „Задача поэта,—говоритъ Ибсенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—вѣдь въ сущности въ томъ, чтобы видѣть, а не въ томъ, чтобы разсуждать“ (8, 240). „Все-что я написалъ, находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что я пережилъ—хотя бы оно и не случилось со мной лично; каждое новое произведеніе имѣло для меня лично ту цѣль, что служило моему духовному освобожденію и просвѣтлѣнію“ (8, 344). Главная задача писателя „выяснять себѣ и другимъ временные и вѣчные вопросы, волнующіе тотъ вѣкъ и то общество, которымъ писатель принадлежитъ“ (1, 176).

Съ этой характеристикой писателя и его задачъ, мнѣ кажется, нельзя не согласиться. Дѣйствительно, вся разница между философіей и наукой съ одной стороны и искусствомъ съ другой состоитъ въ томъ, что философъ и ученый пытаются объяснить міръ отвлеченными идеями, постигнуть его смыслъ и содержаніе абстрактнымъ разсужденіемъ, тогда какъ художникъ ставитъ себѣ задачей сдѣлать его намъ понятнымъ и доступнымъ путемъ передачи его въ образахъ. Наукѣ и философіи приходится логически расчленять и анализировать дѣйствитель-

ность, искусство старается передать ее въ ея непосредственной цѣлостности. Но и искусство не остается чуждымъ идеямъ; хотя оно представляетъ намъ жизнь въ художественныхъ образахъ, однако именно для того, чтобы произведенія искусства были художественными, оно должно давать намъ не простыя фотографіи, но образы, созданные въ свѣтѣ извѣстныхъ идей. Образы для художника являются средствомъ передавать содержаніе идей о мірѣ, передавать такими путями, которые недоступны философіи и наукѣ.

Вотъ почему въ подлинныхъ произведеніяхъ искусства всегда выражается извѣстное міровоззрѣніе. Мы не можемъ требовать отъ художника, чтобы онъ намъ *доказывалъ*, путемъ логическихъ разсужденій, истинность тѣхъ идей, которыя положены въ основу его творчества. Но мы имѣемъ право выяснять тѣ идеи, содержаніе которыхъ онъ стремился изобразить намъ въ создаваемыхъ имъ образахъ, и, выяснивъ, подвергать оцѣнкѣ міровоззрѣніе художника. Въ этомъ міровоззрѣніи, какъ указываетъ и самъ Ибсенъ, всегда отражается не только самъ художникъ, но и та эпоха, которая его породила и на запросы которой онъ откликался своимъ творчествомъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, я поставилъ себѣ задачей изучить и подверг-

нуть критическому разбору нравственное міровоззрѣніе одного изъ самыхъ выдающихся писателей XIX вѣка—Генрика Ибсена,—поскольку оно выразилось въ его произведеніяхъ. Я приглашаю васъ взглянуть, вмѣстѣ со мною, на героевъ и героинь ибсеновскихъ драмъ для того, чтобы послѣ этого обзора мы въ состояніи были дать отвѣтъ на вопросъ: чему же насъ учитъ Ибсенъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ? Эта задача облегчается тѣмъ, что Ибсенъ не принадлежалъ къ числу писателей, которые склонны мѣнять свои основныя идеи и передѣлывать въ самомъ фундаментѣ свое міровоззрѣніе. Напротивъ, онъ, какъ и самъ констатируетъ, все время былъ послѣдователенъ въ своемъ развитіи; конечно, его пониманіе міра съ теченіемъ времени расширялось и углублялось, но въ основныхъ чертахъ оставалось однимъ и тѣмъ же. „Люди полагаютъ,—говорилъ Ибсенъ своему другу Дитрихсону въ 1881 г.,—что я съ теченіемъ времени мѣнялъ свои взгляды, но это большая ошибка. Въ дѣйствительности мое развитіе шло вполнѣ послѣдовательно. Я самъ могу указать нить всего хода моего развитія, доказать единство моихъ идей и ихъ постепенный ростъ и какъ-разъ теперь занятъ составленіемъ записокъ, которыя засвидѣтельствуютъ людямъ, что я

остался такимъ же, какимъ былъ, когда впервые нашелъ себя самого“ (8, XIII). Въ предисловіи ко второму изданію своей юношеской драмы „Катилина“, написанномъ черезъ 25 лѣтъ послѣ ея появленія въ свѣтъ, Ибсенъ констатируетъ, что, перечитывая ее, онъ нашелъ въ ней не мало такого, что онъ и теперь можетъ признать своимъ (1, 498).

Записки, о которыхъ говорилъ Ибсенъ, не были написаны. Поэтому современнымъ критикамъ приходится самостоятельно выполнять ту задачу, которую хотѣлъ въ нихъ разрѣшить художникъ относительно себя самого. Попробуемъ и мы разобраться въ основныхъ чертахъ нравственнаго міровоззрѣнія Ибсена. Какъ-разъ въ этомъ отношеніи Ибсенъ даетъ богатый матеріалъ, такъ какъ именно нравственная проблема была для него наиболѣе интересной и ея выясненіе въ поэтическихъ образахъ составляло главную задачу его творчества.

II.

Основная идея Ибсена состоитъ въ томъ, что подъ разнообразіемъ міровыхъ явленій и кажущейся пестротой ихъ скрывается таинственный смыслъ. Выражаясь словами одного изъ его героевъ, „жизнь, бытіе, судьба не могутъ же быть лишены

всякаго смысла“ (7, 156). Ходомъ событій въ міровомъ процессѣ управляетъ *міровая воля*, которая часто упоминается въ рѣчахъ ибсеновскихъ героевъ. „Многое въ человѣческой волѣ,—говоритъ Сигурдъ въ драмѣ „Воители въ Гельгеландѣ“,—но великими дѣлами управляетъ судьба“ (2, 378). Король Гоконъ, въ драмѣ „Борьба за престолъ“, передаетъ ту же мысль въ другой формѣ: „Пусть въ Норвегіи два короля; на небѣ лишь одинъ, и Онъ устроитъ все“ (3, 228). Намъ, смертнымъ, неизвѣстна та цѣль, къ которой ведется міровой процессъ Божественной волей. Въ „Катилинѣ“ тѣнь Суллы на вопросъ главнаго персонажа пьесы о грядущей судьбѣ отвѣчаетъ:

Нѣтъ, лишь за темными вратами,—
когда ихъ смерть намъ распахнетъ,
туманъ рѣдѣетъ передъ нами,
мы зримъ грядущаго весь ходъ (1, 577).

И въ болѣе позднемъ произведеніи призракъ Іуды на вопросъ Юліана-Отступника, избралъ ли его Хозяинъ міра въ провидѣніи будущаго, отвѣчаетъ: „Да, вотъ—загадка“ (4, 472).

Однако изъ этого не слѣдуетъ, что все въ мірѣ подчинено желѣзной необходимости. Ибсенъ не стоитъ на почвѣ фатализма. Онъ неоднократно возвращается къ ученію о „*свободной* необходимости“. На ряду съ міровой волей, опредѣ-

ляющей общій ходъ процесса жизни, дѣйствуютъ воли другихъ свободныхъ существъ, къ которымъ принадлежатъ и люди. Мистикъ Максимъ въ „Кесарѣ и Галилеянинѣ“ слѣдующимъ образомъ излагаетъ эту теорію. „Когда въ страшной мировой пустотѣ клубился хаосъ, и Іегова былъ одинъ,—въ тотъ день, когда онъ, согласно древнимъ іудейскимъ писаніямъ, мановеніемъ руки своей отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, воду отъ суши,—въ тотъ день великій творящій Богъ находился въ зенитѣ своего могущества. Но вмѣстѣ съ появленіемъ на землѣ людей появились и другія воли. И люди, и животныя, и растенія стали творить себѣ подобныхъ по вѣчнымъ законамъ; вѣчными законами начертанъ и ходъ свѣтилъ въ небесномъ пространствѣ.— Раскаивался ли Іегова? Во всѣхъ древнихъ преданіяхъ говорится о раскаивавшемся творцѣ.—Онъ самъ вложилъ въ свое твореніе законъ самосохраненія. Раскаиваться поздно. Сотворенное хочетъ сохранить себя и сохраняется.—Но два одностороннихъ царства ведутъ между собою войну. Гдѣ онъ, гдѣ тотъ царь мира, тотъ Двойственный, который примиритъ ихъ?“ (4, 641).

Самое главное проявленіе свободы человѣка состоитъ въ томъ, что онъ не приходитъ въ жизнь съ точнымъ знаніемъ

той роли, которая предопредѣлена ему міровой волей и которую онъ могъ бы сыграть съ успѣхомъ. Поэтому передъ каждымъ человѣкомъ возникаетъ неизбѣжно проблема — опредѣлить свое назначеніе въ мірѣ, свое призваніе. Задачу эту разрѣшить не такъ легко и здѣсь возможны роковыя ошибки. Это лучше всего передано намъ въ разговорѣ, который Перъ Гюнтъ ведетъ съ пуговочникомъ, пришедшимъ взять его изъ жизни для переплавки (съ этой идеей переплавки большинства людей мы еще встрѣтимся). На вопросъ Пера Гюнта, что значитъ „*быть самимъ собою*", пуговочникъ отвѣчаетъ:

Самимъ собою быть—значитъ
всегда собою выражать лишь то,
что выразить тобой хотѣлъ Хозяинъ.
Перъ Гюнтъ. А если ты всю жизнь узнать не могъ,
что выразить тобой хотѣлъ Хозяинъ?
Пуговочникъ. Нужна догадка, Перъ.
Перъ Гюнтъ. Да, но какъ часто
обманываютъ насъ догадки наши,—
такъ изъ-за этого и погибать?
Пуговочникъ. Приходится, Перъ Гюнтъ.
И собираетъ средь недогадливыхъ рогатый
жатву (4, 228).

Если кто-либо ошибается въ опредѣленіи своего призванія, то свобода расходится съ необходимостью и начинанія такого человѣка оканчиваются неудачей; ему приходится вступать въ борьбу съ

судьбой. Наилучшимъ исходомъ является тотъ, когда личность правильно опредѣлила свой жизненный путь. Выражаясь словами того же мистика Максима, такая личность можетъ оказаться, „великимъ, ставшимъ свободнымъ подъ гнетомъ необходимости“ (4, 472). Въ „Борьбѣ за престолъ“ епископъ Николасъ даетъ слѣдующую характеристику такому герою. „Счастливѣйшій,—говоритъ онъ,—вотъ величайшій. Величайшія дѣла совершаетъ счастливѣйшій, тотъ, на кого требованія времени нисходятъ сами собой, словно въ порывѣ похоти, родятъ въ немъ мысли, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, но которыя указываютъ ему пути; куда они ведутъ, онъ самъ не знаетъ, и все-таки идетъ, долженъ итти ими, и идетъ, идетъ, пока не услышитъ радостныхъ кликовъ народа, — остановится, оглядится съ изумленіемъ и пойметъ, что совершилъ великое дѣло“ (3, 180). Такимъ счастливцемъ является въ названной драмѣ король Гоконъ, о которомъ постоянно и повторяется, что Господь охраняетъ Гокона (3, 218), что Господь всегда за Гокона (3, 242). Тѣ же мысли встрѣчаются намъ и въ „Строителѣ Сольнесѣ“, гдѣ рѣчь идетъ также о человѣкѣ, угадавшемъ свое призваніе. „Не думаете ли и вы, Гильда,—говоритъ Сольнесъ,—что есть на свѣтѣ такія исклю-

чительныя, избранныя натуры, которымъ дарована власть желать, хотѣть чего-нибудь такъ упорно, такъ непреклонно, что оно дается имъ, наконецъ... Великія дѣла не бываютъ дѣломъ рукъ какого-нибудь одного человѣка. Нѣтъ, ни въ одномъ такомъ дѣлѣ не обойтись безъ помощниковъ и слугъ. Но они никогда не являются сами собой. Ихъ нужно умѣть вызывать... долго, упорно... этакъ, внутренно... И они пришли и подчинились моей волѣ. Такъ вотъ что добрые люди называютъ счастіемъ“ (7, 77).

Всякое противодѣйствіе такимъ людямъ, выполняющимъ планы Божественной воли, кончается неудачей. Оно, въ концѣ-концовъ, обращается въ содѣйствіе тому дѣлу, противъ котораго враги героя хотятъ бороться. Такихъ примѣровъ міровой гетерогоніи цѣлей мы у Ибсена встрѣчаемъ не мало. Такъ, соперникъ уже упомянутаго короля Гокона — ярлъ Скуле — своей борьбой противъ Гокона въ концѣ-концовъ содѣйствуетъ укрѣпленію и объединенію Норвегіи, которое составляло главную задачу Гокона. Юліанъ-Отступникъ своими гоненіями на христіанство не въ состояніи былъ повернуть назадъ колесо исторіи; онъ не только не оживилъ язычества, но вдохнулъ новый духъ въ христіанскія общины, гдѣ вѣра начинала было ослабѣвать.

Эта основная идея Ибсена—согласованіе свободы и необходимости—вызвала возраженія многихъ критиковъ, которые усматривали въ этихъ понятіяхъ непримиримое противорѣчіе. Я, напротивъ, полагаю, что Ибсенъ стоялъ здѣсь на совершенно правильномъ пути. По моему мнѣнію, начала свободы и необходимости, дѣйствительно, рядомъ встрѣчаются въ жизни и нельзя дать для нея достаточно широкаго синтеза, если не включить въ него обоихъ этихъ понятій. Какъ согласовать логически эти два понятія, это, конечно, представляетъ трудную проблему, но проблему, падающую уже въ область науки и метафизики. Ибсенъ, какъ художникъ, долженъ былъ намъ только показать, что въ жизни сплетаются оба эти начала, и, я думаю, показалъ онъ это съ большимъ мастерствомъ [1]).

III.

Голосъ міровой воли, опредѣляющій назначеніе каждаго человѣка въ жизни, звучитъ въ немъ, какъ его *призваніе*. Въ „Брандѣ“ призваніе характеризуется слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Свои соображенія по этому поводу я изложилъ въ статьѣ „Къ вопросу о свободѣ воли“, напечатанной въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ за 1909 годъ, кн. 1.

Одно у каждаго есть достоянie,
которымъ поступаться онъ не долженъ
святыня „я“ его—его призванье.
Его нельзя связать, сковать; нельзя
перехватить, какъ рѣку на пути,—
свободно течь должно въ морское лоно
къ своей великой цѣли.
Если даже
запрутъ ту рѣку, превратятъ въ болото,
въ стоячiй прудъ—вода достигнетъ цѣли
росой, дождемъ (3, 346).

Голосъ призванья принимаетъ разную форму и содержанie, смотря по внутреннему облику и мiровоззрѣнiю человѣка. У Катилины (1, 507) и Бранда (3, 304, 343) онъ выражается въ формѣ велѣнiя долга, выполненiя высшей воли; Брандъ называетъ себя посланнымъ, который не смѣетъ ослушаться пославшаго его. И строитель Сольнесъ говоритъ о миссiи строить церкви, возложенной на него Богомъ; для достиженiя этой цѣли у Сольнеса были отобраны Богомъ его малютки, чтобы ему не къ кому было привязаться и чтобы вся его жизнь могла уйти на постройку храмовъ (7, 104). Джонъ Габрiэль Боркманъ говоритъ о непреодолимомъ внутреннемъ влеченiи овладѣть скованными миллiонами, зарытыми глубоко въ нѣдрахъ скалъ, и облагодѣтельствовать ими человѣчество; подъ влiянiемъ этого влеченiя, онъ, сынъ рудокопа, съ дѣтства слышалъ, какъ поетъ

руда, которой хочется на свѣтъ Божій, служить людямъ (7, 264, 235). У дочери моря Эллиды призваніе сказывается въ формѣ манящей, влекущей силы, которая пугаетъ и увлекаетъ вмѣстѣ и зоветъ къ невѣдомому, неизвѣданному, къ тому, для чего Эллида создана (6, 308, 326, 344, 345). Гильда, оставляющая отеческій кровъ для того, чтобы послѣдовать за строителемъ Сольнесомъ, который еще въ дѣтствѣ обѣщалъ ей царство, говоритъ также о внутренней силѣ, которая ее толкала, манила и влекла; но велѣнія этой силы не представляются ей голосомъ долга; напротивъ, она не выноситъ слова долгъ, съ которымъ связано что-то холодное, колкое, долбящее, и стоитъ за здоровую, крѣпкую совѣсть викинговъ, въ которыхъ было много чувства, страсти и силы (7, 77—79, 63). Говоря словами художника Рубека, въ драмѣ „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“, всѣ мы одарены способностью слышать таинственное безмолвіе среди шума и гама обыденной жизни (7, 309, 311; ср. о безмолвіи 7, 194).

Стремленіе ввысь, къ далекому и неизвѣстному, свойственно всѣмъ людямъ, даже наиболѣе прозаическимъ. Жизнерадостная Майя въ только-что упомянутой драмѣ, женщина, которая кончаетъ тѣмъ, что отдается во власть чувственной жизни со всѣми ея утѣхами, сошлась съ

Рубекомъ въ ту эпоху, когда она не имѣла настоящаго понятія о томъ, что̀ творится въ ея душѣ; Рубекъ привлекъ ее тѣмъ, что обѣщалъ взять ее съ собой на высокую гору и показать всѣ царства міра и славу ихъ; Майя очень негодуетъ на него за то, что онъ не выполнилъ этого обѣщанія, и только подъ вліяніемъ этого разочарованія, отказа въ обѣщанной помощи достигнуть идеала, сходится съ Ульфгеймомъ, представителемъ чувственной жизни (7, 315, 341, 354).

Иногда призваніе человѣка опредѣляется безъ всякаго труда; бываютъ такія люди, призваніе которыхъ въ той жизненной обстановкѣ, въ которую они поставлены, сразу становится яснымъ даже всѣмъ окружающимъ ихъ людямъ. Такъ, фру Ингеръ, какъ сообщаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы того же имени, всѣми старыми и опытными дѣятелями была отмѣчена, какъ избранница, которой суждено было разбить оковы рабства и вернуть норвежцамъ ихъ старыя права (2, 77). Гокону Маргарита говоритъ: „Вы поистинѣ рождены королемъ“ (3, 165).

Но въ другихъ случаяхъ человѣку бываетъ чрезвычайно трудно опредѣлить свое настоящее призваніе. Онъ страдаетъ и тоскуетъ, пока находится въ такомъ состояніи. Въ драмѣ „Дочь моря“ главный мотивъ составляетъ тоска, которую

испытываетъ Эллида, пока она не столкнулась съ реальнымъ воплощеніемъ своего смутнаго идеала; только-что я упоминалъ другую героиню—Майю, которая страдала оттого, что ей не была оказана обѣщанная помощь въ отысканіи идеала.

При опредѣленіи призванія человѣкъ вынужденъ считаться съ слѣдующими затрудненіями. Самое призваніе сказывается въ немъ обыкновенно въ недостаточно ясной формѣ; онъ ощущаетъ только смутное стремленіе ввысь, къ чему-то великому, далекому и неизвѣданному. Но въ то же время онъ не можетъ не чувствовать ограниченности своихъ личныхъ силъ, не можетъ не сознавать и тѣхъ препятствій, которыя ставитъ окружающая среда для выполненія великихъ дѣлъ. Чтобы правильно сдѣлать выборъ, слѣдуетъ хорошо знать самого себя и умѣть бороться и съ внутренними и съ внѣшними препятствіями.

Трагизмъ положенія каждаго человѣка заключается въ томъ, что онъ сознаетъ личную отвѣтственность, лежащую на немъ за его поведеніе, и въ то же время не вполнѣ отъ себя зависитъ при опредѣленіи образа своихъ дѣйствій. Не самъ онъ создаетъ свои внутреннія свойства: они въ значительной степени опредѣляются *наслѣдственностью;* точно такъ же не самъ онъ создаетъ ту общественную

обстановку, въ которой приходится дѣйствовать; въ общественной средѣ огромную роль играютъ *традиціи*, которыя постепенно въ ней складываются, затѣмъ держатся съ большимъ упорствомъ, переживаютъ породившія ихъ условія и такъ обращаются въ пустую форму, лишенную жизненнаго содержанія, но въ то же время препятствующую жизни свободно развиваться.

Въ драмѣ, озаглавленной „Привидѣнія“, всѣ эти условія, препятствующія человѣку устроить жизнь согласно своему призванію и стремленію ввысь, къ идеалу, названы именемъ *привидѣній внѣшнихъ и внутреннихъ*. Фру Альвингъ такъ описываетъ эти привидѣнія. „Въ насъ проявляется не только то, что перешло къ намъ по наслѣдству отъ отца съ матерью, но даютъ о себѣ знать и всякія старыя отжившія понятія, вѣрованія и тому подобное. Все это уже не живетъ въ насъ, но все таки сидитъ крѣпко и намъ не выжить его. Стоитъ мнѣ взять въ руки газету, я такъ и вижу, какъ шмыгаютъ между строками эти могильные выходцы. Да, вѣрно, вся страна кишитъ такими привидѣніями; должно-быть, они неисчислимы, какъ песокъ морской. А мы такіе жалкіе трусы, такъ боимся свѣта“ (5, 273, 271 сл.).

Ибсенъ очень много мѣста отводитъ

въ своихъ драмахъ какъ наслѣдственности, такъ и общественной традиціи. По поводу наслѣдственности онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Заслуги предковъ не имѣютъ для насъ никакого значенія и смѣшно ими гордиться. Брандъ говоритъ:

Что намъ до величія былого?
Схоронено давно, и не осталось
Слѣдовъ его (3, 425).
Не станетъ карликъ выше оттого,
Что Голіаѳъ былъ прадѣдомъ его (3, 387).

Зато грѣхи отцовъ постоянно надъ нами тяготѣютъ и роковымъ образомъ отражаются на нашей судьбѣ. Молодой Освальдъ Альвингъ въ „Привидѣніяхъ" получилъ отъ отца въ наслѣдство неизлѣчимую психическую болѣзнь. Гедвигъ въ „Дикой уткѣ" отъ отца унаслѣдовала слабые глаза, такъ что ей грозитъ слѣпота. Въ той же драмѣ непрактичный идеалистъ Грегерсъ получилъ въ наслѣдство отъ матери больную совѣсть (6, 84). Брандъ страдаетъ отъ наслѣдственнаго бремени, которое на немъ лежитъ:

Вѣрнымъ себѣ быть и цѣльнымъ...?
Съ долгомъ на шеѣ,—грѣхами отцовъ? (3, 350).

Традиція не меньше наслѣдственности мѣшаетъ людямъ быть вѣрными своему призванію и слѣдовать своимъ страстнымъ стремленіямъ. Заурядные люди слишкомъ легко подчиняются предписаніямъ традиціи и дѣлаются рабами пошлости и

старыхъ, отжившихъ идей. Цѣлая драма „Росмерсгольмъ“ посвящена описанію трагедіи женщины, которая увлекается страстью и, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, вступаетъ въ борьбу съ традиціей, желая завоевать себѣ и любимому человѣку счастіе, но падаетъ жертвою традиціи, на все накладывающей мрачный отпечатокъ; въ усадьбѣ Росмера, гнѣздѣ старыхъ традицій, дѣти никогда не плачутъ, но и взрослые не смѣются; всякая жизнь чувства здѣсь убита идеей долга, покоящейся на старинныхъ традиціяхъ дворянскаго гнѣзда (см. 8, 406). О томъ содѣйствіи, которое традиція оказываетъ торжеству человѣческой пошлости, мы будемъ говорить подробно въ другомъ мѣстѣ.

Но человѣкъ надѣленъ *волей*, при помощи которой онъ можетъ вступать въ борьбу со всѣми этими препятствіями. Какъ свободное существо, онъ долженъ сдѣлать свой выборъ. Если онъ останется вѣрнымъ голосу призванія, то онъ найдетъ возможность отрѣшиться отъ всѣхъ низменныхъ влеченій, побороть всѣ препятствія и перекинуть мостъ отъ плоти къ духу. Выражаясь словами Бранда,

Нѣчто есть, что существуетъ вѣчно—
несотворенный духъ, попавшій въ рабство
весною первой бытія, обрѣтшій
свободу вновь, когда отъ плоти мостъ

онъ къ своему источнику, мостъ вѣры
несокрушимой смѣло перебросить.

Идея *свободы выбора,* присущей человѣку, составляетъ центральный мотивъ драмы *„Дочь моря“*, гдѣ Эллида, томимая влеченіемъ къ далекому, новому и неизвѣданному, требуетъ у своего мужа полной свободы, чтобы принять рѣшеніе, которое должно опредѣлить и ея участь и участь всѣхъ близкихъ ей лицъ. Она хочетъ встрѣтить искусителя вполнѣ свободной (6, 325) и заявляетъ своему мужу: „Выбору тебѣ никогда не помѣшать. Ни тебѣ, ни кому другому. Ты можешь мнѣ запретить ѣхать съ нимъ, слѣдовать за нимъ, если я это выберу. Ты можешь удержать меня силой, противъ моей воли. Это ты можешь. Но сдѣлать мой выборъ въ душѣ—выбрать его, а не тебя, если я захочу и должна буду сдѣлать такой выборъ,—этому помѣшать ты не можешь“ (6, 331).

Со свободой выбора связана, однако, *отвѣтственность.* Въ результатѣ принятаго рѣшенія человѣкъ можетъ стать слугой добра или зла, или сдѣлаться рабомъ пошлости. За свое рѣшеніе онъ и несетъ отвѣтственность, которая, какъ мы увидимъ, падаетъ не только на его земную жизнь, но опредѣляетъ судьбу его послѣ смерти. Этой идеѣ отвѣтственности цѣликомъ посвящена драма *„Маленькій Эй-*

ольфъ", гдѣ родители ребенка, позабывшіе о своемъ малюткѣ въ порывѣ любовнаго увлеченія, несутъ послѣдствія своего грѣха: оставшійся безъ присмотра малютка упалъ, сталъ хромымъ, а затѣмъ, какъ бы выполняя желаніе, вырвавшееся у матери въ порывѣ ревности своего мужа къ собственному сыну, утонулъ; онъ послѣдовалъ за бабкой-крысоловкой, которая уводитъ отъ людей все, что грызетъ и скребетъ, все, что ненавидимо и гонимо людьми. Ибсенъ изображаетъ въ продолженіе этой драмы, какъ родители испытываютъ дѣйствіе „закона измѣненія, превращенія", какъ они перерождаются подъ вліяніемъ заговорившаго въ нихъ чувства отвѣтственности. Въ особенности мать преслѣдуетъ воспоминаніе о костылѣ, который остался и всплылъ послѣ смерти ребенка, какъ эмблема укора совѣсти. И Эллида, дочь моря, когда ей, наконецъ, предоставляется желанная свобода, но подъ личной отвѣтственностью, замѣчаетъ: „И подъ личною отвѣтственностью вдобавокъ?.. Въ этомъ—перерождающая сила..." (6, 346).

IV.

Становится ли человѣкъ, отказавшійся отъ служенія призванію, слугой зла или же рабомъ пошлости,—это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, какова сила

его *воли*. Только человѣкъ съ достаточно сильнымъ характеромъ можетъ, по мнѣнію Ибсена, стать слугой зла. Въ „Перѣ Гюнтѣ“ пуговочникъ говоритъ:

Сказать по правдѣ, грѣшникъ настоящій
въ нашъ вѣкъ довольно рѣдкое явленіе:
тутъ мало просто пачкаться въ грязи;
чтобы грѣшить серьезно, нужно силу
душевную имѣть, характеръ, волю.

Большинство людей сильной волей не обладаетъ. Ихъ участью поэтому является особенно ненавистная Ибсену *половинчатость*. Противъ такой половинчатости мы находимъ горячія филиппики въ „Брандѣ“.

Ужъ если рабъ ты радости, то будь имъ
всегда, съ утра и до ночи, всю жизнь;
не будь—однимъ вчера, другимъ сегодня,
а завтра, черезъ мѣсяцъ третьимъ. Будь
чѣмъ хочешь ты, но будь вполнѣ; будь цѣльнымъ,
не половинчатымъ, не раздробленнымъ (3, 319).
Все цѣликомъ осуждено дѣянье,
и человѣкъ—коль дѣйствовалъ онъ только
на половину, не отъ всей души (3, 370).

Между тѣмъ, именно большинство людей оказывается половинчатыми. Ихъ характеристикѣ посвящено множество страницъ во всѣхъ почти произведеніяхъ Ибсена. Можно сказать, что наиболѣе излюбленной темой писателя является бичеваніе человѣческой *пошлости*.

Девизомъ такихъ людей является „бла-

горазумная умѣренность и умѣренное благоразуміе", какъ это заявляетъ типографщикъ Аслаксенъ во „Врагѣ народа" (5, 393). Они стараются во всемъ соблюдать мѣру (4, 83; 3, 386, 5, 371), избѣгать крайностей (5, 352). Типическимъ образцомъ того, какъ представляется такимъ людямъ долгъ, можетъ служить *фогтъ* въ „Брандѣ". Это—очень исполнительный чиновникъ, который во время пожара въ его домѣ на приглашеніе жены: „спаси хоть душу, милый мой", отвѣтилъ: „А чортъ съ ней и съ душой, архивъ спасти бы" (3, 456). Но тѣмъ не менѣе въ его представленіяхъ подвигъ долженъ ограничиваться предѣлами ввѣреннаго ему округа и онъ не можетъ понять людей, которые берутся за дѣла, прямо на нихъ не возложенныя. Когда Брандъ въ бурю ѣдетъ въ лодкѣ съ опасностью для своей жизни, чтобы оказать услугу нуждающемуся въ немъ бѣдняку, то фогтъ спокойно разсуждаетъ:

Во всякомъ случаѣ—не по закону,
неправильно въ чужой приходъ вторгаться
и жизнью рисковать безъ крайней нужды.
И я вѣдь помню долгъ свой, твердъ въ законѣ,
но я лишь дѣйствую въ своемъ районѣ (3, 341).

Пошлые люди любятъ въ своихъ поступкахъ прибѣгать къ пути *„великой кривой"*, съ такимъ мастерствомъ выведенной въ „Перѣ Гюнтѣ". „Кривая... ни

мертва ни жива... Скользкое, влажное что-то... Формы и образа нѣтъ... Кривая не бьется... Безъ борьбы всѣхъ побѣждаетъ кривая... Кривая не силой беретъ, — исподволь дѣйствуетъ" (4, 89, 90). Всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія люди, подобные Перу Гюнту, стремятся „обойти сторонкой", т.-е постоянно вступаютъ на путь компромисса. Поэтому они держатся правила, также излюбленнаго Перомъ Гюнтомъ: „съ волками жить—по-волчьи выть", и стараются приспособляться ко всему, что ихъ окружаетъ. У Пера Гюнта это приспособленіе доходитъ до того, что въ обществѣ троллей онъ соглашается во всемъ подражать троллямъ; въ обществѣ обезьянъ онъ не прочь усвоить себѣ всѣ обезьяньи манеры; дѣло доходитъ даже до подвязыванья хвоста; въ домѣ сумасшедшихъ Перъ Гюнтъ также недурно справляется съ своей задачей. Подобно живописцу Баллестэду въ „Дочери моря" пошлые люди готовы акклиматизироваться по возможности на всѣхъ поприщахъ (6, 257).

Конечно, при такомъ отношеніи къ жизни внутреннее существо человѣка, его убѣжденія не играютъ большой роли. Все сводится къ *внѣшности*. Какъ говоритъ Перу Гюнту Доврскій дѣдъ въ странѣ троллей,

твоей вѣры не тронемъ, мой сынъ,—

вѣра свободна отъ пошлинъ;
намъ оболочка одна лишь важна.—
Съ виду будь троллемъ заправскимъ,
вѣрь же, какъ хочешь, и вѣрой зови
то, что мы попросту страхомъ зовемъ (4, 79).

Люди такого типа не творятъ ни добра, ни большого зла; они „нѣчто среднее: ни то—ни се“, „сборная работа“, по выраженію доктора Фьельбо въ „Союзѣ молодежи“ (4, 358; ср. 4, 214). Но мелкіе грѣшки они не прочь совершать, лишь бы были соблюдены внѣшнія приличія. Такъ, почтенный доцентъ, „спеціалистъ“ Тесманъ (мужъ Гедды Габлеръ), въ концѣ-концовъ ничего не имѣетъ противъ сожженія его женой рукописи сочиненія его конкурента, если только этотъ поступокъ останется неизвѣстнымъ и вызванъ былъ заботой о мужѣ и будущихъ дѣтяхъ (6, 439). Въ „Кукольномъ домѣ“ Гельмеръ готовъ простить Норѣ ея подлогъ, который онъ такъ горячо только-что осуждалъ, какъ только убѣждается, что никто объ этомъ фактѣ не узнаетъ (5, 204). „Эти люди заботятся, главнымъ образомъ, о внѣшнихъ приличіяхъ и руководятся тѣмъ, что̀ могутъ о нихъ сказать окружающіе. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній пасторъ Мандерсъ въ „Привидѣніяхъ“ рѣшаетъ не страховать зданія пріюта, хотя самъ убѣжденъ въ необходимости такой операціи (5, 246—7); эти же соображенія,

боязнь скандала, заставили его отвергнуть и отправить къ нелюбимому мужу фру Альвингъ, когда она прибѣгла къ его покровительству (5, 258); благотворительный капиталъ, оказавшійся у него въ рукахъ, онъ отдаетъ завѣдомо негодному человѣку, какъ только ему пригрозили газетными сплетнями (5, 295); „дикіе браки“ онъ осуждаетъ, главнымъ образомъ, за то, что они происходятъ „у всѣхъ на виду“ (5, 254). Съ точки зрѣнія подобныхъ людей нѣтъ никакой бѣды въ томъ, если при выполненіи ихъ плановъ „придется невинному отдуваться“ (4, 104; 5, 74). Въ то же время они проникнуты весьма большимъ уваженіемъ къ своимъ собственнымъ свойствамъ и талантамъ. Это ярко выражается въ томъ презрѣніи, которымъ они награждаютъ окружающихъ ихъ женщинъ, хотя бы тѣ по своимъ моральнымъ свойствамъ стояли неизмѣримо выше ихъ. Они не въ состояніи понять и оцѣнить истинной красоты человѣческой души; въ женщинахъ они видятъ только существа, которыя „не могутъ понять настоящей сути дѣла“ (5, 30), на которыхъ они удивляются, подобно мужу Норы, что „жаворонокъ заговорилъ по-человѣчески“ или что „малютка Нора говоритъ о на́учныхъ изслѣдованіяхъ“ (5, 195, 197). Назначеніе женщины въ ихъ глазахъ со-

стоитъ въ томъ, чтобы „приноравливаться къ особенностямъ характера“ своего мужа, „довольствоваться приличнымъ, хотя и скромнымъ положеніемъ“ и, по возможности, не думать о себѣ (5, 60, 61, 62, 54, 55).

Такіе люди образуютъ *большинство*, толпу, понятія, ненавистныя Ибсену. Для большинства особенно характерно, что оно обыкновенно очень *консервативно*. Средніе люди не любятъ никакихъ новшествъ; они во всемъ предпочитаютъ итти проторенными путями и являются рабами общественной традиціи. Они цѣнятъ лишь то, къ чему привыкли. Знакомый уже намъ Доврскій дѣдъ такъ поучаетъ Пера Гюнта:

Долженъ еще научиться цѣнить,
сынъ мой, ты столъ нашъ домашній.
Волъ даетъ медъ, а корова блины.
Спрашивать—кисло иль сладко
не полагается; главное—что
непокупное, свое все (4, 77).

Какъ объясняетъ бургомистръ доктору Стокману, „публикѣ вовсе не нужны новыя мысли. Для публики больше годятся добрыя старыя, общепризнанныя мысли, которыя у нея уже имѣются“ (5, 360). Въ благоустроенномъ обществѣ ходить своими особыми путями недопустимо. „Отдѣльнымъ лицамъ приходится въ самомъ дѣлѣ подчиняться интересамъ цѣ-

лаго общества или, вѣрнѣе, подчиняться властямъ, кои поставлены на стражѣ общаго блага“ (5, 333). Къ безпокойнымъ, тяжелымъ характерамъ, которые осмѣливаются разойтись съ общепризнанной рутиной, общество относится враждебно, признаетъ ихъ врагами народа и вступаетъ съ ними въ борьбу. Но у мелкихъ людей мелкія и средства: во всей кучѣ камней, которые бросались ему въ окна, врагъ народа — докторъ Стокманъ — не нашелъ „больше двухъ-трехъ порядочныхъ, крупныхъ булыжниковъ, а то все мелочь, щебень“ (5, 416).

Эти люди не въ состояніи „быть самими собою“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе было истолковано выше. т.-е. заботиться о проведеніи въ жизнь идеала, о выполненіи призванія. Этотъ девизъ извращается у нихъ въ положеніе, которое неустанно повторяется въ Перѣ Гюнтѣ: быть *довольнымъ* собою. Будучи одержимы боязнью крутыхъ, безповоротныхъ рѣшеній, остерегаясь какого бы то ни было риска (4, 82. 94, 120, 123), люди, подобные Перу Гюнту, не ставятъ себѣ высокихъ задачъ, ни къ чему, превышающему уровень низменной, обыденной жизни, не стремятся, довольны самими собой въ томъ видѣ, какъ они складываются подъ вліяніемъ обстоятельствъ; жизнь такого человѣка состо-

итъ въ томъ, чтобы „сухимъ плыть по рѣкѣ временъ, всецѣло всегда самимъ собою оставаясь“ (4, 150); вотъ почему это словечко „доволенъ“ и „кладетъ границу между міромъ человѣческимъ и міромъ троллей“ (4, 223).

Идеальныхъ требованій къ слабосильнымъ людямъ предъявлять нельзя. Они имъ удовлетворить не могутъ, а самое стремленіе съ ними считаться только выбиваетъ ихъ изъ колеи и приводитъ къ половинчатымъ поступкамъ, которые не имѣютъ смысла и цѣнности. Апостолъ сѣренькой жизни — докторъ Реллингъ въ „Дикой уткѣ“—поэтому разражается въ заключеніи пьесы слѣдующей филиппикой противъ идеальныхъ требованій: „О, жизнь могла бы еще быть довольно спокойной, если бы только оставили насъ въ покоѣ эти благословенные кредиторы, которые обиваютъ у насъ, простыхъ смертныхъ, пороги, предъявляя къ намъ идеальныя требованія“ (6, 129). Идеальные порывы обыкновенно разрѣшаются у мелкихъ людей или сравнительно невинной игрой фантазіи, какъ у знаменитаго сказочника и фантазера Пера Гюнта, который не далъ даже матери умереть въ сознаніи серьезности момента разставанія съ жизнью, забавляя ее своими сказками, или чѣмъ-либо еще менѣе цѣннымъ. Такъ, у героевъ „Дикой утки“ иде-

альная сторона существованія выливается въ дѣтскую забаву игрушечнымъ лѣсомъ, устроеннымъ на чердакѣ и заселеннымъ кроликами, голубями и подстрѣленной дикой уткой; въ этотъ лѣсъ взрослые люди ходятъ на охоту и тѣмъ услаждаютъ свое лишенное идейнаго содержанія существованіе. Герой „Союза молодежи", Стенсгоръ, который на словахъ обнаруживаетъ горячую преданность самымъ высокимъ идеаламъ,—когда дѣло доходитъ до болѣе конкретной формулировки ихъ содержанія, не находитъ ничего иного, какъ заявленіе, что „и на него нападаетъ такая тоска по изящнымъ женщинамъ" (4, 334). Большинство же прямо мирится съ отсутствіемъ всякихъ украшеній своей повседневной жизни. Ставя выше всего удовлетвореніе своихъ элементарнѣйшихъ потребностей и оцѣнивая все на деньги, эти люди знаютъ изъ всѣхъ молитвъ только слова „*хлѣбъ нашъ насущный*" (4, 191; 3, 326; 6, 386) и предпочитаютъ совсѣмъ не фантазировать, какъ это намъ прямо сообщаетъ мужъ Гедды Габлеръ, благонравный доцентъ Тесманъ (6, 389). Философія ихъ сводится къ тому, что, какъ говоритъ крестьянинъ Бранду, „какъ ни будь уменъ, ученъ, не одолѣть того, что не подъ силу" (3, 304). Брандъ даетъ суровую оцѣнку подобному міровоззрѣнію:

Гдѣ силы нѣтъ, тамъ и призванья нѣтъ.
Не можешь быть, чѣмъ *долженъ*, будь чѣмъ *можешь*,
вполнѣ всецѣло сыномъ праха будь (3, 347).

Выражаясь словами Майи, есть что-то мертвое въ шумѣ и гамѣ повседневной жизни (7, 310); въ томъ же духѣ даетъ и Брандъ реплику крестьянину, разсужденія котораго приведены выше:

Ты мертвъ, хотя и живъ. Не знаешь Бога
и Онъ тебя не знаетъ.

И только въ рѣдкіе моменты, когда мы, мертвецы, пробуждаемся, мы видимъ непоправимое: видимъ, что никогда не жили (7, 357).

Описанные мелкіе и слабосильные люди, являющіеся мертвецами при жизни, получаютъ у Ибсена соотвѣтственное ихъ облику назначеніе и послѣ смерти. Такъ какъ эти люди при жизни не представляли изъ себя сколько-нибудь яркой индивидуальности, то и послѣ смерти они не должны разсчитывать на индивидуальное загробное существованіе. Они не представляютъ такой цѣнности, которой стоило бы хоть сколько-нибудь дорожить. Поэтому они разсматриваются лишь какъ матеріалъ, пригодный для *переплавки*. Когда жизнь ихъ приходитъ къ концу, то за ними отряжается пуговочникъ, который забираетъ ихъ для новой переплавки, какъ негодныя пуговицы безъ ушка.

Посланный за Перомъ Гюнтомъ пуговочникъ такъ объясняетъ свое назначеніе:

Обычай этотъ такъ же древенъ, какъ
происхожденіе змія, и разсчитанъ
на то, чтобъ матеріалъ не пропадалъ.
Ты смыслишь въ нашемъ ремеслѣ и знаешь,
что иногда литье не удается,
и пуговица выйдетъ безъ ушка;
ты что съ такою пуговицей дѣлалъ?
Перъ Гюнтъ. Бросалъ.
Пуговочникъ. Ну, ты вѣдь въ Джона Гюнта
вышелъ.
И онъ бросалъ направо и налѣво,
пока лишь было что бросать. Но, видишь,
Хозяинъ не таковъ; Онъ бережливъ
и потому богатъ. Онъ не бросаетъ,
какъ никуда негодный хламъ, того,
что въ качествѣ сырого матеріала
еще годится. Пуговицей вылитъ
ты для жилета мирового былъ,
но вотъ ушко сломалось, отскочило,
и предстоитъ тебѣ быть сданнымъ въ ломъ,
чтобъ вмѣстѣ съ прочими быть перелитымъ...
Со многими мы поступали такъ;
и такъ же поступаетъ дворъ монетный
со стертыми монетами.

На протесты Пера Гюнта пуговочникъ не безъ основанія отвѣчаетъ:

Но, милый Перъ, зачѣмъ же попустому
такъ волноваться? Никогда ты не былъ
„самимъ собою“; такъ что же за бѣда,
коль „я“ твое и вовсе распадется? (4, 215, 218).

Но Перъ Гюнтъ, конечно, не даромъ такъ огорчается этой заслуженной участью: вѣдь утрата индивидуальности равносильна утратѣ всякой надежды на лучшее

будущее, составляетъ рѣшительное, безусловное и окончательное осужденіе личности:

Пока есть жизнь, до тѣхъ поръ есть надежда (4,230).

V.

Болѣе цѣнными, чѣмъ рабы пошлости, являются въ глазахъ Ибсена натуры, посвятившія себя на служеніе *злу*. Злымъ, какъ мы видѣли, можетъ быть только человѣкъ, надѣленный сильной волей; человѣкъ безвольный не можетъ даже грѣшить, какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ, у злодѣя есть своя индивидуальность; соотвѣтственно съ этимъ, онъ надѣленъ вѣчнымъ существованіемъ; онъ не поступаетъ въ переплавку, а потому всегда остается надежда, что изъ его сильной натуры можетъ возникнуть добро, а не зло.

Плоское и низменное все
такимъ ужъ и останется навѣки;
а зло—возможно обратить въ добро (3, 329).

Служитель зла—это человѣкъ, пожелавшій быть самимъ собой, т.-е. выполнять свое назначеніе, навыворотъ:

Двоякимъ образомъ вѣдь можно быть
самимъ собой: навыворотъ и прямо (4, 235).

Въ „Борьбѣ за престолъ“ мы находимъ ярко очерченный образъ злодѣя въ лицѣ епископа Николаса. Ибсенъ даетъ

слѣдующую характеристику этому персонажу. Онъ, прежде всего, *чистѣйшій эгоистъ*: служитъ не какому-нибудь дѣлу или идеѣ, но исключительно самому себѣ. Поэтому на вопросъ, обращенный къ нему, выше или ниже онъ человѣка, епископъ отвѣчаетъ: „я обрѣтаюсь въ состояніи невинности: не различаю добра и зла“. „Нѣтъ ни добра ни зла,—продолжаетъ онъ,—ни верха ни низа, ни высокаго, ни низменнаго. Всѣ такія слова вамъ необходимо забыть, иначе никогда не сдѣлать вамъ послѣдняго шага, не перепрыгнуть черезъ разсѣлину. Не надо ненавидѣть кучку людей или дѣло за то, что цѣль этой кучки или этого дѣла—то, а не другое; надо ненавидѣть каждаго человѣка за то, что онъ противъ васъ, и ненавидѣть каждаго, кто стоитъ за дѣло, которое не споспѣшествуетъ вашей волѣ. Все, что вамъ полезно,—добро; все, что вамъ помѣха,—зло“ (3, 182, 183). Дѣятельность такого человѣка, не имѣющаго положительныхъ идеаловъ, неизбѣжно принимаетъ разрушительный характеръ. Епископъ Николасъ занимается исключительно тѣмъ, что воздвигаетъ преграды на пути окружающихъ его людей. Онъ объясняетъ намъ, что самъ онъ—неудачникъ: онъ хотѣлъ быть вождемъ, но оказался трусомъ, онъ любитъ женщинъ, но является калѣкой. Не будучи

самъ богатыремъ, онъ поставилъ себѣ задачей, чтобы въ странѣ и вообще не было богатырей (3, 213). Средствомъ для ослабленія энергіи всякаго сильнаго человѣка является поселеніе въ немъ неувѣренности, недовѣрія къ своимъ силамъ и къ своему призванію. Епископъ слѣдующимъ образомъ разсуждаетъ по поводу борьбы за престолъ между королемъ Гокономъ и ярломъ Скуле: „Увѣрься онъ,—онъ или восторжествовалъ бы, или палъ. И тогда одинъ изъ нихъ сталъ бы могущественнѣйшимъ изъ мужей, какой когда-либо жилъ въ Норвегіи. Нѣтъ, нѣтъ... чего я не могъ достичь—пусть не достанется никому. Лучше всего неувѣренность; пока она тяготѣетъ надъ герцогомъ, они оба будутъ вредить другъ другу, гдѣ только могутъ, жечь города, разорять селенія... Ни одинъ не выиграетъ тамъ, гдѣ проиграетъ другой“ (3, 201). „Гоконъ честенъ,—какъ это у нихъ называется; вмѣстѣ съ вѣрой въ себя, въ свое право, въ немъ рухнетъ многое. Оба будутъ сомнѣваться и вѣрить, колебаться изъ стороны въ сторону, и никогда не ощупаютъ твердой почвы подъ ногами — perpetuum mobile...“ (3, 207).

Но такой служитель діавола, который, и попавши въ адъ, не особенно этимъ огорчается, утверждая, что „не такъ въ

томъ царствѣ худо, и не бѣда, что жарко и темно“ (3, 270), какъ сказано, представляетъ изъ себя личность, которая можетъ быть обращена и на службу добру. *Негативъ* можетъ быть обращенъ въ позитивъ. Такъ и объясняетъ Перу Гюнту „худощавый“:

Такъ, если въ бытіи своемъ земномъ
душа дала лишь негативный снимокъ,
послѣдній не бракуютъ, какъ негодный,
но поручаютъ мнѣ, а я его
дальнѣйшей обработкѣ подвергаю,
и съ нимъ при помощи извѣстныхъ средствъ
прямое превращенье происходитъ.
Окуриваю сѣрными парами,
обмакиваю въ огненныя смолы
и разными снадобьями травлю,
пока изображенье позитивнымъ,
какимъ ему и быть должно, не станетъ.
Но если стерта такъ душа, какъ ваша,—
выходитъ блѣдный и неясный снимокъ,
котораго никакъ не проявить,
и сѣра и огонь тутъ безполезны (4, 236).

Дѣянія отрицателей, въ силу міровой необходимости, служатъ укрѣпленію отрицаемаго. Поэтому въ видѣніи Юліана-Отступника Каинъ, Іуда и самъ Юліанъ выступаютъ, какъ три краеугольныхъ камня подъ гнѣвомъ необходимости (4, 469). Въ „Брандѣ“ безумная Гердъ, плодъ злого поступка матери Бранда, возвѣщаетъ пастору волю Божію:

Такъ служатъ Господу плоды грѣха
къ возстановленью въ мірѣ равновѣсья
и справедливости (3, 341).

Отъ человѣка, отказавшагося служить своему призванію и ставшаго слугою зла, слѣдуетъ отличать человѣка, который просто *ошибся въ опредѣленіи своего призванія*, своей жизненной задачи, взялся не за свое дѣло. Примѣромъ такого человѣка является ярлъ Скуле въ „Борьбѣ за престолъ“. Скуле хочетъ быть вождемъ народа, но не обладаетъ для этого необходимыми свойствами. Ему не дано прозрѣвать неродившіяся мысли, подобно его сопернику Гокону; онъ осужденъ быть *безплодной натурой* и жить повтореніемъ старой саги (3, 223). Не имѣя своихъ идей, онъ вынужденъ слѣдовать идеямъ своего соперника, т.-е. присваивать себѣ чужое призваніе (3, 236). Поэтому всѣ дѣйствія его получаютъ видъ одного только тщеславія, а не выполненія божественной миссіи (3, 222). Онъ заранѣе обреченъ на неудачу, ибо „нельзя дать другому того, чѣмъ не владѣешь самъ“ (3, 256). Такой человѣкъ созданъ не для того, чтобы быть вождемъ и жить для своего дѣла, но для того, чтобы быть орудіемъ и сложить голову за дѣло другого: такая судьба и постигаетъ ярла Скуле, который кончаетъ смертью, идущей на пользу дѣла его соперника, Гокона (2, 242, 280). Въ своихъ дѣйствіяхъ Скуле, не имѣющій надлежащей вѣры въ себя, составляетъ прямую противополож-

ность Гокону: онъ постоянно колеблется и совершаетъ ошибки, старается имѣть всѣ пути открытыми и потому не идетъ смѣло ни по одному. Вообще онъ оказывается пасынкомъ Божіимъ на землѣ (3, 284). Такіе примѣры насъ учатъ, что безполезно вступать въ борьбу съ судьбой. Міровая воля все равно одержитъ побѣду, и обманувшемуся въ своемъ призваніи герою остается, подобно Юліану, жаловаться на то, что міровая воля подвела его (4, 687), и восклицать: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ".

Юліанъ-Отступникъ самъ такъ отзывается о своей неудачѣ: „Мнѣ не въ чемъ раскаиваться. Я знаю, что примѣнялъ, по мѣрѣ разумѣнія, наилучшимъ образомъ ту силу, которую мнѣ вручили обстоятельства и которая является отраженіемъ божественной силы. Я никогда никому не хотѣлъ зла. Этотъ походъ имѣлъ свои разумныя и благія причины; а если кому-нибудь могло показаться, что я не оправдалъ всѣхъ возлагавшихся на меня ожиданій, то пусть примутъ во вниманіе ту таинственную силу, которая находится внѣ насъ и отъ которой въ значительной степени зависитъ исходъ человѣческихъ предпріятій" (4, 688).

Если же человѣкъ правильно опредѣлилъ свое назначеніе и находитъ въ себѣ достаточно твердости, чтобы слѣдовать

ему, чтобы „быть самимъ собою", то, какъ мы видѣли, онъ является счастливѣйшимъ. Ему удается все то, что связано съ возложенной на него миссіей. Юліанъ-Отступникъ излагаетъ по этому поводу слѣдующую теорію. „Быть-можетъ даже, правители и вершители судебъ міра временами *передаютъ свою власть въ руки человѣческія*, что, однако, воистину не умаляетъ значенія самихъ боговъ, ибо кому, какъ не имъ, обязаны люди тѣмъ, что такой свыше одаренный силою человѣкъ—если только таковой вообще находится — могъ появиться на землѣ" (4, 632). Въ разсужденіяхъ мистика Максима въ той же драмѣ проскальзываетъ даже нѣчто въ родѣ ученія о переселеніи душъ, носящаго вполнѣ ибсеновскій характеръ. „Нѣкто неизмѣнно возрождается въ жизни человѣчества черезъ извѣстные промежутки времени,—говоритъ Максимъ Юліану.—Онъ подобенъ всаднику, объѣзжающему на кругу дикаго коня. Каждый разъ конь сбрасываетъ его. Проходитъ время, и всадникъ снова въ сѣдлѣ, съ каждымъ разомъ становясь увѣреннѣе и опытнѣе; но конь все сбрасываетъ и сбрасываетъ его въ одномъ его образѣ за другимъ—до сего дня. Ему суждено было быть сброшеннымъ въ образѣ богоподобнаго человѣка въ саду Эдема и въ образѣ основателя мірового царства и

въ образѣ князя царства Божія. А кто знаетъ, сколько разъ еще онъ появлялся межъ нами, никѣмъ не узнанный? Почему ты знаешь, Юліанъ, что ты не былъ въ немъ — въ томъ, кого теперь преслѣдуешь?“ (4, 640).

Назначеніе людей можетъ быть весьма различно. Ибсенъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (8,382), не ставитъ общихъ для всѣхъ требованій. Какъ поясняетъ скальдъ Ятгейръ въ „Борьбѣ за престолъ“, для того, чтобы стать пѣвцомъ, нужна *скорбь*, какъ другимъ бываетъ нужна *вѣра* или *радость* или *сомнѣніе* (3, 238). Требуется только *цѣльность*; половинчатыя натуры ни на что великое не способны; тотъ же скальдъ добавляетъ, что человѣкъ, миссія котораго основана на сомнѣніи, долженъ быть сильнымъ и здоровымъ, т.-е. не сомнѣваться въ собственномъ сомнѣніи. Подобное состояніе онъ характеризуетъ, какъ сумерки, которыя хуже смерти (3, 328). Для выполненія великой миссіи необходимо нужна сильная воля, такая воля, которая способна не только на мимолетный подвигъ, но и на постоянный будничный трудъ. Образецъ сильнаго человѣка—Брандъ—и ставитъ себѣ такую задачу:

Трудъ будничный, тяжелый и упорный
преображу я въ праздникъ животворный...

Теперь я вижу—понималъ невѣрно
спасенiе людей и мiра; подвигъ,
великiя и громкiя дѣла
пересоздать, поднять людей не могутъ.
Способностей богатыхъ пробужденье
духовныхъ трещинъ не закроетъ. Воля—
единственный цементъ надежный; воля
и губитъ и освобождаетъ духъ;
она одна разрозненныя силы
его сплотить способна; въ ней вся суть
(3, 361—2).

Ибсенъ приводитъ намъ рядъ примѣровъ, когда наличность сильнаго стремленiя и отсутствiе воли, способной на достаточную для его удовлетворенiя твердость и послѣдовательность, порождаютъ трагическiя положенiя. Укажу на фру Ингеръ изъ Эстрота, которая должна выступить въ роли освободительницы Норвегiи, но не находитъ въ себѣ достаточной для этого смѣлости, такъ какъ безпокоится за судьбу своего сына. Укажу, далѣе, на фру Альвингъ въ „Привидѣнiяхъ", которая сама сознается въ трусости, помѣшавшей ей внести въ свою жизнь надлежащую прямоту и искренность и приведшую къ гибельнымъ для нея и ея сына послѣдствiямъ. Вспомнимъ также Гедду Габлеръ, одержимую бурными стремленiями, но не находящую въ себѣ достаточной смѣлости, чтобы порвать со свѣтскими приличiями, и кончающую въ результатѣ самоубiйствомъ. Напомню вамъ также мученiя архитектора Сольнеса, ко-

торый призванъ строить храмы для Бога, но одержимъ головокруженіемъ и не можетъ всходить на вершину собственныхъ зданій. Мы неоднократно имѣли дѣло и съ ярломъ Скуле изъ „Борьбы за престолъ“, который стремится къ престолу, но, не обладая достаточнымъ творчествомъ для выполненія поставленной себѣ задачи, постоянно терзается сомнѣніями и страдаетъ.

VI.

Но Ибсенъ отводитъ *страданіямъ* еще болѣе широкое мѣсто въ существованіи человѣка. Не только неудачники страдаютъ, но на страданія, въ сущности, обречены *всѣ люди, даже тѣ, которыхъ самъ Ибсенъ называетъ счастливѣйшими.* Страданіе неизбѣжно вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ человѣческой натуры. Свойства эти состоятъ въ томъ, что люди одарены способностью ставить себѣ безграничные идеалы, но располагаютъ лишь ограниченными силами для ихъ выполненія. Отсюда происходятъ трагическія положенія, состоящія въ томъ, что ни одинъ человѣкъ никогда не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что̀ онъ создаетъ, какъ бы горячо и безкорыстно онъ ни служилъ своему идеалу.

Никому не суждено охватить міровыя

цѣли во всей ихъ полнотѣ и обнять свой идеалъ во всей его жизненной красотѣ. Всѣ человѣческія *представленія объ идеалѣ* неизбѣжно оказываются узкими и односторонними, а потому и не вполнѣ жизненными. А между тѣмъ, въ своихъ стремленіяхъ гордыя натуры доходятъ до дерзкаго девиза, выставленнаго Брандомъ: „*все иль ничего*".

Я строгъ, суровъ въ своихъ стремленіяхъ къ цѣли;
мой лозунгъ—все, иль ничего (3, 364).

Примѣровъ такихъ трагедій мы находимъ у Ибсена не мало. Идеалисты Грегерсъ въ „Дикой уткѣ" и докторъ Стокманъ въ драмѣ „Врагъ народа" страдаютъ и терпятъ неудачи изъ-за того, что недостаточно понимаютъ окружающихъ людей и оказываются слишкомъ непрактичными. Строитель Сольнесъ, какъ мы видѣли, страдая головокруженіемъ, временно отказывается отъ своего призванія сооружать высокіе храмы и начинаетъ строить для людей семейные очаги, въ необходимость которыхъ самъ не вѣритъ. Гедда Габлеръ слишкомъ труслива, чтобы устроить жизнь согласно своимъ необузданнымъ стремленіямъ. Но наиболѣе поучительные и трогательные образы — это скульпторъ Рубекъ въ драмѣ „*Когда мы, мертвецы, пробуждаемся*" и Брандъ. Рубекъ, имѣя передъ собою

Ирену, въ качествѣ натурщицы, хотѣлъ создать воплощеніе дѣвической чистоты и красоты, а на самомъ дѣлѣ получилось только холодное художественное произведеніе, при созданіи котораго живая человѣческая душа была лишь эпизодомъ (7, 336, 352). Брандъ въ своемъ стремленіи возродить религіозную жизнь своей паствы кончаетъ тѣмъ, что строитъ новую большую церковь, понимая въ буквальномъ смыслѣ слова: „слишкомъ мала наша церковь", вырвавшіяся у его несчастной, страдающей жены, и только выстроивъ ее, замѣчаетъ, что она совершенно не то, что было нужно; что сооруженный имъ матеріальный храмъ недостаточно просторенъ, чтобы вмѣстить въ себя его идеалъ.

Я хотѣлъ
Церковь воздвигнуть такую,
своды которой могли бъ охватить
сѣнью своею не только
вѣру, религію, но и всю жизнь,
все, что живетъ, существуетъ:
будничный трудъ и воскресный покой,
утра заботы, сны ночи,
юности рѣзвость и старца печаль,
все, чѣмъ быть бѣдной, богатой
можетъ по праву людская душа...
Съ этимъ же зданіемъ впредь ничего
общаго я не имѣю.
Ложью своей лишь оно велико;
воли достойное вашей,
жалкой и слабой, паденьемъ грозитъ (3, 486).

При всякой попыткѣ сблизить предносящійся намъ идеалъ съ жизнью, реализовать его, онъ неизбѣжно блѣднѣетъ еще больше и какъ бы отходитъ на заднiй планъ. Когда дочь моря Эллида увидала таинственнаго незнакомца, къ которому она ощущала непонятное ей и страстное влеченіе, то онъ оказался не такимъ, какимъ его рисовало ея воспоминаніе. Принятіе ею рѣшенія не слѣдовать за незнакомцемъ облегчается именно тѣмъ, что вмѣшалась дѣйствительность (6, 321). Когда скульпторъ Рубекъ попытался дополнить созданную имъ идеальную женскую фигуру тѣмъ, что́ видѣлъ вокругъ себя въ жизни, и окружилъ ее глыбой разсѣвшейся земли, изъ которой выползаютъ люди, то статую пришлось отодвинуть назадъ, она обезцвѣтилась, а самого себя художнику пришлось изобразить въ видѣ отягченнаго грѣхами человѣка, который не можетъ вполнѣ стряхнуть съ себя земной прахъ (7, 350).

По мнѣнію Ибсена, въ человѣческомъ родѣ вообще существуетъ какой-то таинственный и роковой *разладъ между стремленіями и способностями*, и, какъ онъ самъ констатируетъ въ предисловіи ко второму изданію „Катилины“, изображеніе этого противорѣчія, составляющаго трагедію и вмѣстѣ съ тѣмъ комедію человѣчества и индивида, является однимъ

изъ главныхъ предметовъ его творчества (1, 498). Брандъ выражаетъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ:

Двѣ мысли умъ мой въ дѣтствѣ занимали,
смѣшили безъ конца, за что не разъ
мнѣ отъ наставницы-старухи крѣпко
и доставалось.—Вдругъ себѣ представлю
сову съ боязнью мрака или рыбу
съ водобоязнью, и давай смѣяться.
Я гналъ тѣ мысли прочь,—не тутъ-то было.
Но что же собственно рождало смѣхъ?
Да смутное сознаніе разлада
межъ вещью—быть какой должна, и вещью—
какая есть. Межъ долгомъ—бремя несть—
и неспособностью нести его.
И чуть не каждый мой землякъ—здоровый,
больной—такая жъ рыба иль сова.
Трудиться въ глубинѣ и жить во мракѣ
его удѣлъ, и это-то какъ разъ
его страшитъ. О берегъ бьется въ страхѣ
и темной камеры своей боится;
о воздухѣ и солнцѣ яркомъ молитъ (3, 309, 310).

По мнѣнію дочери моря—Эллиды,—люди созданы для того, чтобы жить въ морѣ, но по какому-то недоразумѣнію устроились на сушѣ; этимъ и объясняется ихъ затаенная тоска и раскаяніе (6, 299). Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Ибсенъ изображаетъ міръ, какъ храмъ въ двойномъ стилѣ, надъ которымъ днемъ трудился король, а ночью тролль (1, 429). Вообще въ мірѣ совмѣщаются загадочныя противорѣчія: какъ открываетъ Юліану явившійся ему Каинъ, славнѣйшее на-

ше достояніе—жизнь—является плодомъ грѣха, въ основѣ жизни лежитъ смерть (4, 471).

Въ мірѣ, полномъ таинственныхъ противорѣчій, страданіе оказывается необходимостью.

Чело омыть боязни пóтомъ мало:
очиститься огнемъ страданья должно (3, 370).

Только цѣною счастія своего и чужого покупается стремленіе къ идеалу. Лишь путемъ отреченій идемъ мы по пути спасенія. Въ минуту самаго тяжелаго горя Брандъ говоритъ:

Вѣрь до конца себѣ, сердце мое:
все проигравъ—побѣждаешь,
все потерявъ—обрѣтаешь;
то лишь, что умерло, вѣчно твое (3, 350).

Вотъ почему *не можетъ быть для людей прочнаго счастія*. Въ „Комедіи любви“ Фалькъ и Свангильдъ добровольно отказываются отъ супружества, такъ какъ убѣждаются, что блаженство чистой любви не можетъ продолжаться всю жизнь. Въ особенности это дѣлается яснымъ, когда человѣкъ рѣшается итти по пути служенія идеалу. Когда родители утонувшаго маленькаго Эйольфа возрождаются къ новой жизни подъ вліяніемъ заговорившаго въ нихъ чувства отвѣтственности и ощущаютъ стремленіе ввысь, къ горнимъ высотамъ, къ звѣздамъ, въ царство великаго безмолвія (7, 194), то они

сознаютъ, что утрачиваютъ всякое земное счастіе (7, 187). Только тотъ можетъ наслаждаться относительнымъ благополучіемъ и довольствомъ, кто способенъ прожить жизнь безъ идеаловъ (6, 230).

Смерть, лежащая въ основѣ жизни, полагаетъ предѣлъ существованію каждаго индивида и вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ его земнымъ стремленіямъ и творческой дѣятельности. Ни одному человѣку въ границахъ своего кратковременнаго существованія не удастся подойти сколько-нибудь близко къ поставленному идеалу. Брандъ и Рубекъ съ Иреной гибнутъ въ снѣжной лавинѣ; Джонъ Габріэль Боркманъ замерзаетъ въ снѣгу, по аналогіи съ своей холодной жизнью; Росмеръ съ Реббекой находятъ свой конецъ въ водопадѣ; строитель Сольнесъ падаетъ на землю съ воздвигнутой имъ самимъ башни, не выдержавъ ея высоты. Да и вообще для отдѣльной человѣческой личности не такъ важно достиженіе опредѣленныхъ внѣшнихъ результатовъ своей дѣятельности, какъ постоянное стремленіе къ идеалу. Въ письмѣ къ Брандесу Ибсенъ развиваетъ слѣдующія мысли: „То, что я зову *борьбой за свободу*, есть не что иное, какъ постоянное живое усвоеніе идеи свободы. Всякое иное обладаніе свободой, исключающее постоянное стре-

мленіе къ ней, мертво и бездушно. Вѣдь самое понятіе свободы тѣмъ само по себѣ и отличается, что все расширяется по мѣрѣ того, какъ мы стараемся усвоить его себѣ. Поэтому если кто во время борьбы за свободу остановится и скажетъ: вотъ я обрѣлъ ее, тотъ этимъ докажетъ какъ-разъ то, что утратилъ ее“ (8, 234).

Но міровая жизнь не исчерпывается жизнью индивидовъ. Есть и *жизнь всего человѣчества*, въ которой постоянно происходитъ обновленіе и возрожденіе идеаловъ, которая представляетъ собою процессъ постояннаго творчества. Въ рѣчи, произнесенной въ 1887 году въ Стокгольмѣ, Ибсенъ говоритъ: „Не разъ объявляли меня пессимистомъ. Ну да, я пессимистъ, поскольку не вѣрю въ вѣчность человѣческихъ идеаловъ. Но я также и оптимистъ — поскольку вѣрю въ способность идеаловъ множиться и развиваться. Особенно же я вѣрю въ то, что идеалы нашего времени, отживая свой вѣкъ, обнаруживаютъ явное тяготѣніе возродиться въ томъ, что я въ своей драмѣ „Кесарь и Галилеянинъ“ подразумѣваю подъ „*третьимъ царствомъ*“ (8, 98).

Идея „третьяго царства“, въ которомъ будетъ достигнуто примиреніе въ одномъ синтезѣ Бога и Кесаря, возродится красота и осуществлено будетъ счастіе для

людей, дѣйствительно составляетъ центральный мотивъ упомянутой драмы, предносится въ мечтаніяхъ Юліана. Но и въ другихъ драмахъ проглядываетъ то же самое вѣрованіе Ибсена. Въ „Борьбѣ за престолъ“ скальдъ Ятгейръ утверждаетъ, что „несложенныя пѣсни всегда самыя прекрасныя“ (3, 241). Въ „Брандѣ“ говорится о новой землѣ и новомъ Адамѣ (3, 348, 349), о „грядущемъ великомъ времени, времени великихъ событій“ (3, 490).

VII.

Отдѣльный человѣкъ, обладая ограниченными силами, никогда не можетъ достигнуть совершенства, какими бы высокими идеалами онъ ни руководился. Вотъ почему люди нуждаются въ милосердіи и снисхожденіи. Свое строгое въ общемъ ученіе о долгѣ и отвѣтственности Ибсенъ дополняетъ проповѣдью *любви и милосердія.*

Конечно, есть такія представленія о Божескомъ милосердіи, съ которыми Ибсенъ согласиться не можетъ. Въ его драмахъ встрѣчается не мало сатирическихъ замѣчаній по адресу тѣхъ людей, которые пользуются ученіемъ о милосердіи только для того, чтобы постоянно безпрепятственно грѣшить, надѣясь на

неизмѣнное прощеніе (см., напр., 4, 97), или которые, подобно Перу Гюнту (4, 132), обращаются къ Богу съ мольбой оказать имъ помощь, оставивъ пока дѣла другія: міръ обойдется какъ-нибудь и самъ. Подобные факты, характеризующіе отношеніе большинства людей къ Богу, и заставляютъ Бранда выступить со своимъ ученіемъ. Брандъ утверждаетъ, что должно видѣть въ Богѣ „Владыку строгаго неба, земли Судію, нуженъ Онъ слабому вѣку“ (3, 407—8).

Нѣтъ болѣе опошленнаго слова,
забрызганнаго ложью, чѣмъ—любовь.
Имъ съ сатанинской хитростью людишки
стараются прикрыть изъяны воли,
маскировать, что въ сущности ихъ жизнь—
трусливое заигрыванье съ смертью (3, 373).
И знать того я чувства не хочу,
которое зовутъ любовью люди.
Лишь Божью знаю я любовь, она же
не знаетъ слабости; *она сурова,*
къ избранникамъ своимъ неумолима.
Томясь душою въ рощѣ Геѳсиманской,
молился Сынъ: да минетъ эта чаша.
И что же—внялъ Отецъ мольбѣ Сыновней?
Нѣтъ, чашу осушить пришлось до дна (3,369).

Хотя при чтеніи Бранда можетъ показаться, что авторъ не вполнѣ на сторонѣ этихъ разсужденій, такъ какъ Брандъ въ концѣ пьесы какъ-будто нѣсколько мѣняетъ свои воззрѣнія: онъ, говорившій все время о ветхозавѣтномъ Іеговѣ, начинаетъ упоминать имя Христа, при ги-

бели его въ лавинѣ гремитъ голосъ свыше, возвѣщающій, что Богъ есть deus caritatis,—тѣмъ не менѣе я полагаю, что по существу Брандъ довольно точно передаетъ представленія самого Ибсена. Міровоззрѣніе Ибсена, во всякомъ случаѣ, проникнуто *трагическимъ элементомъ*. Его герои обречены на страданіе и гибель, и Божье къ нимъ милосердіе сказывается лишь въ томъ, что Богъ не ставитъ имъ въ осужденіе несовершенства ихъ порывовъ къ идеалу и успокаиваетъ ихъ послѣ смерти. Заключительная пьеса Ибсена „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся" также заканчивается гибелью Рубека и Ирены въ снѣжной лавинѣ, послѣ которой сестра милосердія произноситъ: pax vobiscum.

И во взаимныхъ отношеніяхъ люди никогда не должны забывать о любви. Одна жертва считается у Ибсена безусловно недопустимой: *жертва любящей человѣческой душой*. Къ такой жертвѣ писатель относится видимо несочувственно, во имя чего бы она ни совершалась. Этотъ мотивъ проходитъ черезъ все творчество Ибсена. Уже героиня одной изъ самыхъ раннихъ пьесъ „Воители въ Гельгеландѣ", пылкая Йордисъ, говоритъ: „всѣмъ можетъ поступиться человѣкъ ради друга своего, только не любимой женщиной. И если онъ дѣлаетъ это, онъ разрываетъ

таинственную ткань норнъ и губитъ двѣ жизни“ (2, 394). И то же самое повторяется въ самыхъ послѣднихъ по времени произведеніяхъ. Элла Рентгеймъ дѣлаетъ Боркману упрекъ, что онъ продалъ ея любовь за постъ директора банка, и по этому поводу произноситъ слѣдующее: „Въ Библіи говорится объ одномъ загадочномъ грѣхѣ, за который нѣтъ прощенія. Прежде я никогда не понимала, что это за грѣхъ. Теперь понимаю. Самый великій, неискупимый грѣхъ—это умерщвленіе живой души въ человѣкѣ, души, способной любить“ (7, 253). И въ самой послѣдней драмѣ Ибсена Ирена объясняетъ свою смерть тѣмъ, что отдала Рубеку „нѣчто такое, что нельзя отдавать, чѣмъ нельзя жертвовать: свою молодую, живую душу“ (7, 332).

Когда Юліанъ-Отступникъ начинаетъ приходить къ сознанію своей ошибки, онъ произноситъ разсужденіе, въ которомъ также отдаетъ дань любви и ставитъ ее выше холоднаго разсудка. Онъ проводитъ параллель между славными героями, подвигамъ которыхъ потомство удивляется, и гонимымъ имъ Христомъ. „Что выигралъ Александръ Македонскій, что выигралъ Юлій Цезарь? Греки и римляне вспоминаютъ ихъ славные подвиги съ холоднымъ удивленіемъ, тогда какъ тотъ—Галилеянинъ, сынъ плотника,

царитъ, какъ возлюбленный царь и владыка, въ горячихъ вѣрующихъ сердцахъ человѣческихъ“ (4, 677).

Признаніемъ любви, какъ необходимаго корректива человѣческаго несовершенства, объясняется и особенно симпатичное отношеніе Ибсена къ *женщинѣ*. Онъ потому такъ высоко ставитъ женщину, что въ ней много любви. Конечно, Ибсенъ далекъ отъ того, чтобы безусловно идеализировать женщинъ. Онъ слишкомъ видитъ въ женщинѣ человѣка, чтобы признать женщину лишенной человѣческихъ слабостей. Поэтому въ его драмахъ встрѣчаются самые различные женскіе характеры. Есть у него женщины, отрѣшившіяся отъ идеи долга и служащія по существу злому началу. Такова фру Маргитъ въ „Пирѣ въ Сольхаугѣ“, такова страстная героиня „Воителей въ Гельгеландѣ“ — Йордисъ, такова Гедда Габлеръ, такова Фурія въ Катилинѣ. Къ этой же категоріи, мнѣ кажется, можно отнести и Гильду въ „Строителѣ Сольнесѣ“, которая не хочетъ слышать самаго имени „долгъ“, видя въ этомъ словѣ только нѣчто холодное, колкое, долбящее (7, 64), и въ томъ отношеніи воскрешаетъ Йордисъ, героиню эпохи викинговъ, что признаетъ только здоровую крѣпкую совѣсть жестокихъ викинговъ (7, 79). Наконецъ, сюда же относится и

холодная жестокая фру Боркманъ и скупая мать Бранда, которая всю свою жизнь посвятила стяжанію богатства, промѣняла любовь на деньги и тѣмъ дала поводъ къ появленію на свѣтъ безумной Гердъ. Есть у Ибсена и слабыя женщины, которыя легко становятся рабами пошлости; таковы почти всѣ дѣйствующія лица въ „Комедіи любви“, такова грубая эгоистка Регина въ „Привидѣніяхъ“, таковы Гина и фру Сёрбю въ „Дикой уткѣ“, такова фру Сольнесъ, которая послѣ пожара дома и гибели дѣтей горюетъ не о дѣтяхъ, а о сгорѣвшихъ куклахъ (7, 90), такова, наконецъ, Болетта въ „Дочери моря“, благоразумная дѣвица, которая мечтаетъ о томъ, какъ бы ей выучиться чему-нибудь полезному, и безъ особыхъ колебаній отдаетъ свою руку человѣку, къ которому не чувствуетъ любви, какъ только онъ обѣщаетъ обезпечить ея жизнь. Къ этой же категоріи можетъ быть съ значительнымъ основаніемъ отнесена и фру Стокманъ, которая постоянно колеблется между любовью къ мужу и житейскими расчетами. Но и эти женщины въ томъ отношеніи стоятъ, обыкновенно, выше злыхъ или пошлыхъ мужчинъ, что въ нихъ всегда почти проявляется беззавѣтная и безкорыстная любовь къ кому-либо, помимо себя, будь то мужъ, или дѣти, или возлюбленный.

Съ другой же стороны, Ибсенъ выводитъ передъ нами цѣлую серію женщинъ, для которыхъ любовь и самопожертвованіе составляетъ самое существо ихъ. Эта серія начинается съ первой же драмы и идетъ послѣдовательно черезъ всѣ произведенія. Назовемъ Аврелію въ „Катилинѣ“, Сигне въ „Пирѣ въ Сольхаугѣ“, Дагни въ „Воителяхъ въ Гельгеландѣ“, Агнесъ въ „Брандѣ“, Сольвейгъ и Озе въ „Перѣ Гюнтѣ“, Лону въ „Столпахъ общества“, Петру въ „Докторѣ Стокманѣ“, Гедвигъ въ „Дикой уткѣ“, тетю Юлю въ „Геддѣ Габлеръ“, Тею въ той же пьесѣ, Ингеборгъ и Маргариту въ „Борьбѣ за престолъ“, Асту въ „Маленькомъ Эйольфѣ“ и т. д.

Эти женщины весь смыслъ своего существованія видятъ въ жизни для другихъ и не знаютъ, что имъ съ собою предпринять, если имъ не о комъ заботиться. Онѣ не затрудняются ни передъ какими жертвами для любимаго человѣка или для любимаго дѣла и подчасъ обнаруживаютъ истинный героизмъ самопожертвованія. Вспомнимъ хотя бы блестяще очерченную фигуру Агнесъ, вѣрной подруги Бранда.

Однако, за всей этой любовью и способностью жертвовать собою скрывается *самостоятельная человѣческая личность,* требующая къ себѣ полнаго уваженія.

Женщины Ибсена очень часто заявляютъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и во имя него словомъ и дѣломъ выражаютъ протестъ противъ неуважительнаго отношенія къ женской личности. Обыкновенно при этомъ вспоминаютъ преимущественно одинъ женскій образъ, созданный Ибсеномъ: Нору, бросившую мужа, и устроенный имъ для нея „Кукольный домъ". Но съ такимъ протестомъ женщины выступаютъ у Ибсена и раньше и позже появленія этой драмы. Блѣдный намекъ на будущую Нору составляетъ Свангильдъ въ „Комедіи любви", выступающая съ протестомъ противъ традиціонныхъ воззрѣній на бракъ. Въ „Столпахъ общества" Дина заявляетъ, „что она не хочетъ быть какой-то вещью, которую берутъ" (5, 94). Въ „Союзѣ молодежи" Сельма собирается оставить домъ камергера Братсберга, за сыномъ котораго она замужемъ, возмущенная тѣмъ, что ее держатъ подъ колпакомъ, наряжаютъ какъ куклу, но не посвящаютъ въ серіозныя дѣла, и возвращается къ мужу, лишь убѣдившись, что онъ дѣйствительно нуждается въ ея помощи (4, 311, 325, 372). Дочь моря Эллида настаиваетъ на своей безусловной свободѣ, а въ послѣдней по времени драмѣ Ибсена Майя заявляетъ протестъ и оставляетъ Рубека именно потому, что онъ

не съ достаточнымъ уваженіемъ относился къ ея человѣческой личности, смотрѣлъ на нее, какъ на игрушку и забаву.

Въ „Перѣ Гюнтѣ“ борьба героя съ великой кривой получаетъ благополучную развязку только благодаря вмѣшательству любящихъ женщинъ. Кривая, расплываясь въ ничто, говоритъ, задыхаясь:

Слишкомъ силенъ былъ для насъ.
Онъ опирался на женщинъ. (4, 91)·

Среди стихотвореній Ибсена есть одно, озаглавленное „Женщинѣ слава“. Въ этомъ стихотвореніи женщина называется „солнечнымъ лучомъ въ жизни поэта“ и родиной ея признается „свѣта отчизна“ (1, 404). Конечно, столпами общества женщины могутъ быть признаны только въ виду проникающаго ихъ „духа истины и духа свободы“ (5, 114).

VIII.

Таково въ основныхъ чертахъ нравственное міровоззрѣніе Генрика Ибсена. Поэтъ, какъ мы убѣдились, даетъ намъ огромный матеріалъ для разрѣшенія и правильной постановки этической проблемы, проводя передъ нами обильную галлерею самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ типовъ и высказывая попутно рядъ глубокихъ мыслей. Конечно, этической проблемы не разрѣшилъ окончательно и Генрикъ Ибсенъ, какъ не раз-

рѣшилъ ея ни одинъ человѣческій умъ. Поэтому въ заключеніе нашего очерка позволительно поставить нѣсколько вопросовъ, на которые, какъ мнѣ кажется, достаточнаго отвѣта у Ибсена мы не находимъ.

Что такіе вопросы должны возникнуть при чтеніи его произведеній,—въ этомъ не было никакого сомнѣнія и для самого Ибсена. При свойственныхъ ему представленіяхъ о несовершенствѣ человѣческой натуры, онъ не могъ считать и себя исключеніемъ изъ общаго правила и не могъ претендовать на то, чтобы своимъ творчествомъ разрѣшить всѣ загадки жизни, освѣтить этическую проблему вполнѣ всесторонне. Въ своемъ стихотвореніи „Письмо въ стихахъ“ онъ говоритъ даже слѣдующее:

Мой другъ, вѣдь миссія моя—не отвѣчать,
а самому вопросы задавать (1, 471).

Вопросы, которые я поставлю теперь, будутъ въ то же время и моими критическими замѣчаніями по поводу нравственныхъ воззрѣній Ибсена. Признавая за этимъ писателемъ необыкновенную глубину и благородство мыслей, я думаю въ то же время, что къ нѣкоторымъ сторонамъ этической проблемы онъ отнесся недостаточно внимательно и освѣтилъ ихъ не вполнѣ правильно.

Первое наше замѣчаніе состоитъ въ слѣдующемъ. При чтеніи произведеній Ибсена невольно возникаетъ вопросъ, не слишкомъ ли рѣзкія перегородки ставитъ онъ между разными категоріями людей? Онъ роетъ цѣлую пропасть между сильными натурами, тѣмъ меньшинствомъ, которое достойно быть личностями, служить добру или злу, и массой остальныхъ людей,—большинствомъ, которое неспособно не только на добро, но и на настоящее зло, которое представляетъ собою только матеріалъ для переплавки. Мнѣ кажется, что такое представленіе о людяхъ грѣшитъ излишнимъ схематизмомъ. Можетъ быть, истинно-героическихъ натуръ между людьми и очень мало. Но затѣмъ вѣдь начинаются такія постепенныя градаціи, такіе неуловимые переходы, что раздѣленіе людей на избранное меньшинство и забракованное большинство едва ли можетъ быть проведено съ такою легкостью и рѣшимостью, какъ это сдѣлано въ произведеніяхъ Ибсена. А если признать правильность такого замѣчанія, то изъ него вытекаетъ дальнѣйшій выводъ, имѣющій уже существенный характеръ. Вѣдь тогда окажется, что нельзя такъ безпощадно клеймить въ моральномъ отношеніи представителей большинства. Человѣческая натура слишкомъ сложна, чтобы допускать

такія огульныя оцѣнки. Во всякомъ представителѣ большинства другой писатель, менѣе склонный къ схематизму, сумѣлъ бы, можетъ-быть, разглядѣть черты, которыя заставили бы и въ немъ признать наличность свойствъ, дѣлающихъ категорическую отрицательную оцѣнку несправедливой.

Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ второй вопросъ, который мы вынуждены поставить по поводу взглядовъ Ибсена. Не слишкомъ ли большую пропасть вырылъ Ибсенъ между личностью и обществомъ? Ибсенъ, несомнѣнно, индивидуалистъ. Его интересуетъ только отдѣльная человѣческая личность и вопросы индивидуальной этики. Къ человѣческому обществу, взятому какъ цѣлое, онъ относится въ общемъ отрицательно. Онъ не отрицаетъ реальности общества, какъ цѣлаго, и даетъ рядъ весьма интересныхъ наблюденій въ области соціальной психологіи. Но, мнѣ думается, всѣ эти наблюденія односторонни. Общество выступаетъ у Ибсена исключительно въ роли носителя традицій, угнетающихъ личность, хранителя старыхъ предразсудковъ, не дающихъ простора личному развитію. Поэтому и къ государству Ибсенъ относится весьма несочувственно. Въ письмѣ къ Брандесу онъ выражается чрезвычайно сильно. „Государство,—пишетъ онъ, — проклятіе

для индивида“ (8, 235). Опаснѣйшимъ врагомъ истины и свободы Ибсенъ признаетъ организованное общество, сплоченное большинство. „Большинство,—говоритъ Ибсенъ устами доктора Стокмана, — никогда не бываетъ право... Изъ какихъ людей составляется большинство въ странѣ? Изъ умныхъ или глупыхъ? Я думаю, всѣ согласятся, что глупые люди составляютъ страшное, подавляющее большинство на всемъ земномъ шарѣ. Но правильно ли, чортъ возьми, чтобы глупые управляли умными... На сторонѣ большинства сила — къ сожалѣнію, — но не право. Правы—я и немногія другія единичныя личности. Меньшинство всегда право... Я говорю о немногихъ отдѣльныхъ единицахъ, усваивающихъ себѣ новыя, едва нарождающіяся истины. Эти люди стоятъ какъ бы на аванпостахъ человѣчества... Что это за истины, вокругъ которыхъ обыкновенно толпится большинство? Это истины, устарѣвшія настолько, что пора бы ужъ ихъ сдать въ архивъ“ (5, 401—402). Только въ сравнительно очень рѣдкихъ случаяхъ Ибсенъ упоминаетъ о тѣхъ культурныхъ задачахъ; которыя лежатъ на цѣломъ народѣ, говоритъ о томъ, что и народы имѣютъ свои миссіи, свое призваніе (см. напр. 8, 91, 105, 139; ср. 1, 483). Однако, наиболѣе сильное мѣсто этого

рода составляетъ то предостереженіе, которое дѣлаетъ норвежскому народу въ „Борьбѣ за престолъ“ епископъ Николасъ, выходецъ съ того свѣта:

Будутъ норвежцы брести еле-еле
по полю жизни безъ воли, безъ цѣли,
будутъ ихъ души узки, а сердца—
злобой другъ къ другу пылать безъ конца,
будутъ въ одномъ межъ собою согласны:
все, что велико, и все, что прекрасно,
камнями, грязью должно забросать.
Будутъ позоръ свой за честь почитать;
будутъ звать тряпки ничтожныя стягомъ,—
знайте тогда—по норвежской землѣ
путь свой побѣднымъ, торжественнымъ шагомъ
старый епископъ свершаетъ во мглѣ (3, 273).

Это мѣсто звучитъ крайне пессимистично. И такой именно тонъ характеренъ для Ибсена, который постоянно склоненъ былъ видѣть въ общественной жизни болѣе худого, чѣмъ хорошаго, и большую часть жизни провелъ внѣ родной страны, слишкомъ болѣя недостатками норвежскаго народа.

Въ одномъ изъ писемъ къ Брандесу Ибсенъ прямо заявляетъ: „солидарности я вообще никогда особенно не сочувствовалъ... если бы у насъ хватило мужества вполнѣ ее игнорировать, то, пожалуй, мы избавились бы отъ балласта, который больше всего отягчаетъ личность“ (8, 243). Въ своемъ презрѣніи къ обществу и солидарности онъ доходитъ

до того, что не только устами своихъ героевъ (напр. доктора Стокмана, 5, 434), но и отъ себя самого заявляетъ, что одинокій есть сильнѣйшій (8, 258). Вотъ почему его мало интересуютъ всякаго рода *соціальныя реформы.* Онъ пишетъ Брандесу въ 1870 году: „эти люди хотятъ лишь специальныхъ революцій — внѣшнихъ, политическихъ и т. п. А это все мелочи. Нужна революція человѣческаго духа“ (8, 232). Въ 1871 году онъ сообщаетъ тому же другу: „Я ничего не жду отъ соціальныхъ реформъ“ (8, 243). Въ 1884 году въ письмѣ къ Бьернсону мы читаемъ: „Я вѣдь язычникъ въ политикѣ: не вѣрю въ освободительную силу политики“ (8, 379). Такъ Ибсенъ подходитъ и къ женскому вопросу. Его очень мало интересуетъ соціальная сторона этого вопроса; по этому поводу въ его сочиненіяхъ мы находимъ лишь самые отрывочные намеки; такъ, въ „Норѣ“ упоминается о томъ, что жена не можетъ дѣлать долговъ безъ согласія мужа, что мужчинѣ легче выпутаться изъ затруднительныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ женщинѣ (5, 141, 166); въ „Привидѣніяхъ“ есть намекъ на двойную мораль общества, которое легко говоритъ о падшихъ женщинахъ и даже не понимаетъ выраженія „падшій мужчина“ (5, 267); но это, кажется, и все, если не считать

упоминанія мелькомъ въ письмѣ къ Бьерн-сону о необходимости урегулированія положенія женщинъ и подписи подъ коллективнымъ заявленіемъ въ стортингъ о преимуществахъ раздѣльнаго имущества супруговъ (8, 380, 457). Ибсена и въ данномъ случаѣ интересуетъ внутреннее духовное освобожденіе женщины гораздо больше, чѣмъ вопросъ о ея соціальномъ положеніи. Онъ беретъ женщину съ ея общечеловѣческой стороны. Такъ онъ и самъ объясняетъ свое отношеніе къ женскому вопросу въ рѣчи къ союзу норвежскихъ женщинъ, произнесенной въ 1898 году. „Благодарю за тостъ,—читаемъ мы здѣсь,—но долженъ отклонить отъ себя честь сознательнаго содѣйствія женскому движенію. Я даже не вполнѣ уяснилъ себѣ его сущность. То дѣло, за которое борются женщины, мнѣ представляется общечеловѣческимъ. И кто внимательно прочтетъ мои книги, пойметъ это. Конечно, изъ нихъ можно вывести, что желательно разрѣшить по пути и женскій вопросъ, но это не главное. Моей задачей было изображеніе людей... Женщинамъ предстоитъ разрѣшить общечеловѣческій вопросъ, разрѣшить въ качествѣ матерей“ (8, 1904—5).

Въ такомъ отношеніи къ обществу и къ общественнымъ задачамъ я склоненъ видѣть великую односторонность Ибсена.

Въ обществѣ имѣются не одни только отрицательныя свойства и отношеніе между личностью и обществомъ сводится не къ одному только угнетенію обществомъ личной свободы. На самомъ дѣлѣ, напротивъ, именно общество является настоящей колыбелью сознающей себя личности, только благодаря жизни въ обществѣ личность, даже самая сильная, вырабатываетъ самыя цѣнныя свои свойства, и свободный разумный человѣкъ вообще внѣ общества немыслимъ. Я не буду останавливаться на подробномъ развитіи и обоснованіи этихъ мыслей, такъ какъ уже неоднократно имѣлъ случай высказывать ихъ въ другихъ своихъ трудахъ (см. въ особенности мои „Этюды по современной этикѣ“ М. 1908 г.). Да и самъ Ибсенъ иногда подходитъ къ признанію важности общества, даже для своего собственнаго развитія. Такъ, въ письмѣ къ своему нѣмецкому переводчику Пассарге отъ 1880 года онъ пишетъ: „Нельзя вѣдь считать себя свободнымъ отъ всякой солидарности съ обществомъ, къ которому принадлежишь, и отъ всякой отвѣтственности за то, что въ немъ происходитъ“ (8, 345).

Одностороннее отношеніе къ обществу и къ соціальности человѣка проявляется у Ибсена даже въ его воззрѣніяхъ на дружбу и любовь между людьми. Къ *друж-*

бъ онъ, повидимому, относится совершенно отрицательно. Друзья у него то-и-дѣло, что занимаются предательствомъ; въ этой роли уже въ первой его драмѣ „Катилина“ выступаетъ Курій, а затѣмъ съ этимъ мотивомъ мы встрѣчаемся еще нѣсколько разъ. Самая дружба основана обыкновенно на взаимномъ обманѣ, какъ дружба между Боркманомъ и Фольдалемъ, которая зиждется на томъ, что оба пріятеля взаимно поддерживаютъ другъ въ другѣ пріятныя иллюзіи относительно личныхъ дарованій,—или же на самообманѣ и самообольщеніи, какъ дружба Грегерса и Яльмара Экдаля въ „Дикой уткѣ“, которая покоится на идеализаціи Экдаля наивнымъ моралистомъ Грегерсомъ. Обычно дружба имѣетъ характеръ односторонній—одна сторона даетъ, приноситъ жертвы, другая — принимаетъ. Такова дружба Сигурда съ Гуннаромъ въ „Воителяхъ въ Гельгеландѣ“, такова же дружба Курія съ Катилиной и дружба Грегерса съ Экдалемъ. Въ письмѣ къ Брандесу отъ 6 марта 1870 года Ибсенъ болѣе обстоятельно излагаетъ свои воззрѣнія на дружбу и вполнѣ подтверждаетъ тѣ заключенія, которыя вынесены нами изъ разсмотрѣнія его драматическихъ произведеній. Онъ держится того мнѣнія, что дружба ничего не даетъ, а только налагаетъ обязанности, и пото-

му стоитъ слишкомъ дорого. „Друзья,—пишетъ онъ,—слишкомъ дорогая роскошь, и тому, кто весь свой капиталъ вкладываетъ въ свое призваніе, въ свою миссію въ жизни, тому не по карману обзаводиться друзьями“ (8, 212). То же самое наблюденіе приходится сдѣлать и о характерѣ *любви*, которую рисуетъ Ибсенъ. Эта любовь также имѣетъ обычно видъ *жертвы*, которую одна сторона,—большею частью, женщина,—приноситъ другой. Назначеніе женщины, по ученію Бранда, въ томъ и состоитъ, чтобы лѣчить раны мужа (3, 408). И въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ Ибсенъ говоритъ о любви, приводящей къ такому сотрудничеству въ общемъ дѣлѣ, при которомъ ни одной сторонѣ не приходится жаловаться на свою второстепенную роль, какъ жалуется Агнесъ въ „Брандѣ“. Таково положеніе, создающееся между Тесманомъ и вдохновляющей его къ труду Теей въ концѣ „Гедды Габлеръ“; таково положеніе Риты и Альмерса въ заключительной сценѣ „Маленькаго Эйольфа“, когда супруги готовятся къ сотрудничеству въ своей обновленной жизни. Таково будетъ положеніе Сельмы въ „Союзѣ молодежи“, когда она соглашается вернуться къ мужу. До извѣстной степени подходятъ сюда же отношенія Ребекки и Росмера. Но такія положенія для Ибсена не характерны. У

этого врага „солидарности“ любовь обыкновенно принимаетъ характеръ одностороннe приносимой жертвы. И любовь Бога къ людямъ также представляется не столько въ видѣ оказываемой имъ помощи, сколько въ видѣ снисхожденія къ ихъ немощамъ и несовершенствамъ. Богъ стоитъ далеко отъ людей. Въ „Брандѣ“ не разъ повторяется положеніе: „Кто узритъ Іегову, умретъ“.

Я думаю, что въ связи съ этой односторонностью стоитъ и нѣсколько формальное отношеніе Ибсена къ человѣческимъ идеаламъ. Ибсенъ очень много говоритъ о борьбѣ за идеалъ, о призваніи человѣка, о культурной миссіи народа. Но онъ при этомъ обращаетъ вниманіе почти исключительно на волевую сторону дѣла, на самый процессъ борьбы и сопряженныя съ нимъ трагическія положенія и страданія. Содержаніе же идеаловъ, за которые надлежитъ бороться, понятіе столь цѣнной для Ибсена культуры остаются довольно неясными. Я думаю, что при бо́льшемъ вниманіи писателя къ соціальной сторонѣ человѣка дѣло бы измѣнилось. Конечная цѣль міроваго процесса осталась бы для насъ столь же неясной и невѣдомой, какъ она представляется Ибсену; должны бы мы были и относительно частныхъ идеаловъ и задачъ соглашаться, что они измѣнчивы по странамъ, эпохамъ и даже лично-

стямъ. Но все же, охвативъ человѣка болѣе разносторонне, взявъ его, какъ участника общественной жизни, мы ближе подошли бы къ пониманію назначенія человѣка какъ вообще, такъ и въ каждую данную эпоху при извѣстной исторической обстановкѣ. Наши представленія о содержаніи человѣческихъ идеаловъ и человѣческой культуры стали бы полнѣе и глубже, носили бы менѣе формальный характеръ. Мое общее наблюденіе состоитъ въ томъ, что у всѣхъ индивидуалистовъ въ этикѣ, не у одного только Ибсена, понятіе долга неизбѣжно получаетъ слишкомъ формальный, нѣсколько безжизненный характеръ.

Всѣ мои замѣчанія можно свести къ одному, болѣе общему. По моему мнѣнію, Ибсенъ вообще слишкомъ высокомѣрно, слишкомъ строго относится къ обыкновеннымъ, не героическимъ и не блестящимъ человѣческимъ натурамъ, которыя составляютъ большинство во всякомъ обществѣ, а вслѣдъ за этимъ и къ самому обществу, какъ таковому. Это обстоятельство и дѣлаетъ его этику нѣсколько жесткой, сухой и чрезмѣрно аристократичной. Если бы Ибсенъ былъ болѣе мягкой натурой, то, я думаю, этика его утратила бы эти недостатки, стала бы болѣе близкой къ людямъ, болѣе осуществимой для большинства изъ нихъ, была бы болѣе проникнута духомъ любви

и прощенія. При этомъ, думается мнѣ, она ничего бы не утратила въ своей высотѣ и искренности.

Всѣмъ этимъ я нисколько не хочу умалить заслугъ Ибсена, какъ моралиста. Пусть онъ будетъ суровъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что людямъ нужны и такіе суровые учителя. Есть вѣдь истина въ убѣжденіи Ибсена, что *страданія закаляютъ и очищаютъ*. Поэтому полезно людямъ слышать время отъ времени суровые укоры и подвергаться моральному бичеванію. Послушаемъ въ заключеніе еще два отрывка изъ проповѣдей Бранда:

Когда проходитъ день за днемъ, какъ въ спячкѣ,
и похороннымъ шагомъ жизнь идетъ,
невольно мнишь, что вычеркнутъ ты Богомъ
изъ книги живота. А къ вамъ, я вижу,
добрѣе Онъ: подвергъ васъ испытанью,
лишеньями и бѣдами бичуетъ,
смертельный страхъ въ крови зажегъ...
Народъ живой,—какъ ни былъ бы разрозненъ
и малъ, растетъ и крѣпнетъ отъ невзгодъ,
и взоръ его тупой пріобрѣтаетъ
орлиный кругозоръ, и слабость силой
становится, увѣренной въ побѣдѣ.
А если часъ невзгодъ не возбуждаетъ
народъ къ борьбѣ, къ дѣяньямъ благороднымъ—
и не заслуживаетъ онъ спасенья... (3, 333, 334, 330).

Этими мужественными словами, въ которыхъ сказалось все нравственное міровоззрѣніе Ибсена, можемъ мы закончить нашъ очеркъ.
